

Одурманенная Россия

КНИГА

Издан сборник Ивана Бунина «Великий дурман», в который вошли его статьи, заметки, записные книжки, публиковавшиеся в 20-х годах в эмигрантской печати и на родине писателя практически неизвестные.

Иван Бунин

Над составлением сборника несколько лет работала молодой филолог Ольга Василевская, и результаты ее усилий видны и в обстоятельной вступительной статье, и в подробных комментариях, и в самом подборе бунинских текстов, выдающихся, собственно и нескрываемую, любовь к писателю. Можно усмотреть некую иронию в том, что некогда открыто и яростно прокламируемые Буниним взгляды много лет спустя обнародовало издательство «Совершенно секретно». Но никакой иронии тут нет: просто это издательство первым отозвалось на предложенный сборник, за что, конечно же, достойно похвалы.

Могут сказать и уже говорят, что в своем литературном завещании писатель категорически запретил посмертную публикацию этих материалов, но завещание, указывает Василевская, состоит из двух частей, на этот счет разноречивых. Да и вряд ли Бунин возразил бы против нынешнего издания: написанное им 70 с лишним лет назад и сегодня, увы, бьет не мимо цели.

Великий писатель покинул Россию в 1920 году, пополнив армию изгнанников, численность которой исследователи определяют от 1 до 3 миллионов человек. Три четверти бежавших были люди со средним образованием, многие – с высшим. Одни лишь эти сломанные жизни, лишь этот обескровивший страну интеллектуальный исход дают Бунину право на анафемы и проклятия в адрес новой власти. Но его боль и трагедия – сама Россия, одурманенная и продавшая душу черту.

Его клокочущая ненависть к «Совдепии», ее вождям и адептам, которых он обличает с библейским гневом и мощью, не зная никаких степеней, кроме уничтожительных, прямо-таки обескураживает. Большевики – «висельники, разорившие богатейшую в мире страну, убившие и уморившие голодом буквально десятки миллионов русских». Ленин – «нравственный идиот от рождения», мозг которого при вскрытии оказался зеленой жижей. Горький – лицемер, «менявший цвета в зависимости от условий, благоприятных или неблагоприятных для большевистского торжества». Бездарный Луначарский, «разжиревший на советских хлебах». Новая «заборная» орфография, богохульники Блок и Есенин, Герберт Уэллс, позволивший себя улестить революционной пропагандой. Пастернак, Маяковский, Цветаева, Бабель, Эренбург, Пильняк и пр. встречаются один недоуменный вопрос: «Что в них замечательного и нового?». Но если вышеперечисленные

авторы худо-бедно защитят себя сами своим творчеством, то за Софью Федорченко, на фундаментальный труд которой «Народ на войне» Бунин обрушился с той же максималистской яростью, хотелось бы вступить. Объемные, в трех томах, «Записи» Федорченко, прошедшей медсестрой Первую мировую и гражданскую войны, содержат душераздирающие свидетельства разрухи, одичания и озверения людей, перемолотых военной и революционной мясорубкой, ничуть не менее убедительные, чем те, что приводит в своих статьях Бунин. К стати, Софья Федорченко впадала в немилость и у полного антагониста Бунина Демьяна Бедного, который норовил использовать ее «Записи» как «матерьялец»

для своих басен, да получил отказ, что не лучшим образом сказалось на ее литературной судьбе.

Но это к слову, в целом же Бунин заслуживает того же почитания, с которым он сам склонялся перед великой русской литературой и апофеозом которого стал его ответ на анкету об отношении к Пушкину: «Никак я не смею относиться к нему...»

Однако посмел писатель сурово и трезво взглянуть на собственный народ, собственную историю и там нашел разгадку того «гигантского кровавого балагана», в который была ввергнута Россия. Особая и непростительная вина лежит на ее правителях, они-то должны были знать «переменчивое сердце и шаткий разум своего народа, его слезливость и «свирепство»... все то, что заставило Ивана Грозного воскликнуть: «аз есмь зверь, но над зверьми и царствую!» Причины и следствия, заключает Бунин, слишком мало изменились до наших дней, да и не могли измениться по шучьему велению. Что же до народа, писатель держит в памяти сказанное ему однажды орловским мужиком: «Мы, батюшка, не можем себе воли давать... Я хорош, добер, пока мне воли не дашь. А то я первым разбойником, первым грабителем, первым вором, первым пьяницей окажусь...» Трудно не согласиться с бунинским выводом: «Что это, как не первая страница нашей истории?»

Не «совершенно секретным» тиражом в 5 тысяч экземпляров, а миллионами следовало бы размножить этот безжалостный и точный диагноз, поставленный писателем в «окаянные дни» нашего прошлого, которое мы тщимся изжить. А отдельно для писателей хорошо бы крупно набрать бунинское воспоминание о Чехове, которому как-то пожаловался один литератор:

– Антон Павлович, что мне делать? Меня рефлексия заела.

Чехов сумрачно ответил ему:

– А вы поменьше водки пейте.

Очень безутешная книга, которой еще долго пребывать по разряду своевременных. Утешение Бунина вынесено на последнюю сторону обложки: «Я пишу эти строки в дни наших величайших страданий и глубочайшей тьмы. Но взойдет наше солнце – нет среди нас ни единого, кто не верил бы в это». Поверим и мы, иначе дурман не рассеется.

Ольга МАРТЫНЕНКО